

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс Введения в славянскую филологию, изложению которого посвящено данное пособие, читается в высших учебных заведениях нашей страны с 1974 г. После его утверждения Министерством высшего образования СССР преподаватели, которым поручили его чтение в различных вузах (в общей сложности несколько десятков человек), были собраны в то далекое время в Московском государственном университете с целью кратковременной стажировки. Ее проводил доктор филологических наук, будущий академик, Никита Ильич Толстой (уже некоторое время в порядке личной инициативы читавший в МГУ этот курс). Н.И. Толстой разработал и программу по Введению в славянскую филологию, которая была роздана участникам мероприятия.

Курс включает в себя обзор первых исторических известий о славянах, сведения о славянской прародине, о праславянском и старославянском языках, о славянской языческой мифологии, о бытовом устройстве славян по данным языка и историческим источникам, о славянской языческой обрядности, а также о народных представлениях, связанных с мироустройством, временем, пространством и т. п., об устном народном творчестве, о начале славянской письменности, о древних и новых славянских литературах, о современных славянских народах и языках, о крупнейших ученых-славистах и их творческой деятельности и т. д.

Согласно подробной характеристике академика *Игнатия Викентьевича Ягича* (1838—1923), «Славянская филология в обширном значении этого слова обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях литературных то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях. Таким образом, она включает в круг своих занятий: во-первых, научные рассуждения о языках славянских, подвергая разбору как памятники языка, так и все диалектические особенности живых говоров, не обходя молчанием и языков литературных со всеми иногда довольно сложными условиями их происхождения и развития; во-вторых, историю славянских литера-

тур, вдаваясь в объяснение целых эпох и оценку отдельных произведений, доискиваясь источников или зависимости от чужого влияния; в-третьих, историю бытовую, изображающую особенности народной жизни во всех ее изгибах. В этом объеме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое. Столетия работали на отдельных частях, пока не появилось сознание внутреннего единства»¹.

Соответственно вводный курс должен демонстрировать студентам единство многогранного филологического знания, затрагивающего и язык, и словесное искусство, на нем создаваемое, и различные стороны как древней, так и современной жизни славянских народов, — как правило, нашедшие то или иное духовное преломление в слове и словесном тексте. Введение в славянскую филологию представляет собой синтетический курс, собирающий в единый фокус и систематизирующий большое число весьма разнородных сведений. Чтобы синтез был достигнут, необходима пропорциональность подачи различных компонентов материала и сочетание необходимой сжатости изложения с его высокой смысловой насыщенностью.

Нет сомнения, что филологическая наука, филология, по самой сути своего предмета распадается на два равноправных крыла. На одном работают ученые, сосредоточенные в основном над проблемами языка, на другом — исследователи, занятые проблемами *творчества* на данном языке (мифологи, фольклористы, литературоведы и пр.).

В силу вузовской специфики в реальных современных условиях курс Введения в славянскую филологию весьма часто оказывается размещен на кафедрах русского языка и поручается лекторам, профессионально позиционирующим себя как лингвисты. Чаще всего это люди, защитившие те или иные диссертации по истории языка и в дальнейшем продолжающие работать в этом русле, а иногда специалисты по современному русскому языку или диалектологи. Глубоко естественно, что в таких случаях лекторам проще всего придать Введению в славянскую филологию соответствующий «поворот».

Однако, как известно, в вузах читается целый ряд фундаментальных филологических дисциплин, к числу которых относятся старославянский язык, историческая грамматика русского языка, сравнительная грамматика славянских языков, диалектология, история литературного языка и т. п. Нетрудно понять, что ощутимый перекокс в сторону любой из перечисленных дисциплин лишит курс требуемого синтетизма, о котором выше напоминалось, а кроме того, породит дидактически нецелесообразное дублирование информации.

¹ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 1.

В самом деле, вряд ли правильно, если под эгидой Введения в славянскую филологию студенты еще раз прослушают, например, курс старославянского языка или исторической грамматики, пусть и под другим названием, частично видоизмененный и частично чем-то дополненный «в порядке камуфляжа». (Аналогичным образом заведомо неверно, если бы под маской Введения в славянскую филологию кто-то читал, например, древнерусскую литературу или фольклор.) Основополагающие сведения из соответствующих глубоко важных курсов обязательно должны присутствовать во Введении в славянскую филологию, но присутствовать в неразрывном сплаве со сведениями из других разделов программы курса и вместе с ними работать на единую цель и задачу.

«Выпячивания» лингвистической стороны в обсуждаемом вузовском курсе, по всей видимости, надо избегать (как и «выпячивания» стороны фольклористической, литературоведческой и т. п.). Иначе вольно-невольно в итоге получится не введение в филологию, что-то вроде «введения в историю языка», а то и «введения в лингвистику».

Последнее побуждает напомнить и о том, что помимо традиционного филологического языкознания, работающего по преимуществу с текстами, в науке параллельно ему давно существует характерное явление. Об этом явлении лучше всего сказали классики филологии.

Еще в первой половине XIX в. рост асемантических тенденций в языкознании породил прикладную лингвистику и побудил великого немецкого филолога *Вильгельма фон Гумбольдта* (1767—1835) заявить, что «не было бы, пожалуй, никакой ошибки отличить таким образом лингвистику от филологии», ибо это «два разных направления», которые «требуют от исследователя разных дарований и сами по себе ведут к разным результатам»¹.

Несколько позднее академик *Федор Иванович Буслаев* (1818—1897) писал: «В начале нынешнего столетия возникла, под именем лингвистики, новая наука о языке. В противоположность филологическому, лингвистический способ рассматривает язык не только как средство для знакомства с литературой, но и как самостоятельный предмет изучения»². А один из современных нам филологов констатирует:

«Развитие языкознания происходило таким образом, что на определенном этапе... внимание лингвистов сосредоточилось преимущественно на выведенных из текста “концептах”. Языкознание на этом уровне исследований стало быстро утрачивать свою филологическую сущность. Отсюда пошло и представление о языке как системе абстракций. С таким представлением о своем объекте языкознание, конечно, отрывается от

¹ Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 169.

² Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 570.

литературоведения. <...> Такое положение ведет к неоправданному сужению границ языкознания и обособлению его от филологии»¹.

Справедливости ради добавим, что в XX в. нефилологические тенденции различными путями проникали и в литературоведение, под эгидой которого широко распространилась, например, идеологическая публицистика, не несущая в себе развитого исследовательского начала и не владеющая научными методиками анализа *текстов* художественных произведений.

Асемантическая прикладная лингвистика по внутренней сути своей невосприимчива ко многим филологическим проблемам и нередко объективно не способна освоить весьма плодотворные и важные идеи². Справедливо критиковал ее в данной связи А.Ф. Лосев.

А какой широкой перспективностью отличаются филологические тезисы самого Лосева, полагавшего, что «основа языка — предложенческая»:

«В связной речи... всякое предложение проскакивает у нас, так сказать, единым духом, одним махом, в виде одной нераздельной линии»; «То, что междометия являются целыми свернутыми предложениями, это понятно само собой»; «Было бы колоссальным достижением науки, если бы каждое отдельное слово нужно было бы считать конденсированным предложением. Теоретически это только и может быть так, но практически и языковедчески это требует обследования весьма больших грамматических материалов»³.

К счастью, начиная со старославянского, славянские языки богато и репрезентативно отражены в текстах (дописьменным был лишь праславянский язык), и опасность впадения в абстракции (применительно к курсу Введения в славянскую филологию) невелика. Что до мифологии, фольклора и т. п., там исследователь неизбежно имеет дело именно с текстами, с конкретным материалом — то есть прочно движется в традиционной филологической колее. Однако при этом явный ощутимый уклон в какую-то одну сторону — фольклор, мифологию, историю литературы и пр. — в синтетическом курсе также неуместен.

Среди обширной научной литературы, которая может и должна служить подспорьем курсу Введения в славянскую филологию, бесспорно, выделяется книга академика *Любора Нидерле* (1865—1944) «**Славянские древности**», дважды в переводе с чешского изданная в нашей стране (1956, 2002). Замечательный археолог, этнограф и историк Л. Нидер-

¹ Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984. С. 9.

² См.: Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983.

³ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 109—110, 465, 475—476.

ле в 1902—1934 гг. опубликовал свой многотомный труд под таким названием. Из этого капитального исследования был сделан «экстракт» объемом в один том, рассчитанный на широкого читателя и также названный автором «Славянские древности»¹.

Книга Нидерле содержит множество точных и достоверных сведений о культурной истории славян. Однако Л. Нидерле не был филологом, и его книга не углубляется в вопросы языка и в те или иные созданные на славянских языках тексты, обычно характеризуя внешнюю сторону словесного творчества славян.

Не только историческая наука располагает данными, немаловажными для славянской филологии и требующими своего полноценного учета. Напомним, например, что у истоков восточнославянской письменности стоят не ученые, а святые подвижники церкви — братья Константин (Кирилл) и Мефодий. Не кто иной, как Константин создал славянский алфавит, по сей день поражающий — в чисто филологическом отношении — своим глубоким соответствием языку, для которого он предназначен. Братями сделаны для славян и первые переводы христианских священных книг.

И в последующие века именно деятели церкви активно вели в славянских землях разнообразную работу филологического характера (Константин Грамматик, Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Юрий Крижанич и др.). Короче, язык в одинаковой степени интересует и нашу мирскую науку, филологию, и церковное богословие. Имеется и целый ряд текстов (например, на старославянском языке), к которым также испытывают самый острый интерес как филологи, так и богословы. Однако приходится констатировать, что пути познания у тех и других в настоящее время *различны*. Всегда ли было так? Нет ли у этих двух столь различных сфер познания точек соприкосновения, то есть носит ли такая разобщенность просто традиционный характер или она предрешена объективно? Иначе говоря, не может ли дать славянской филологии что-то ценное богословский подход к слову, языку и словесному тексту (и, соответственно, не может ли филология в свою очередь что-то предложить богословию)?

Ясность и последовательность церковного истолкования темы слова и языка поражают уже у святых отцов первых веков христианства. Так,

¹ Немало ценной информации содержится также, например, в исследовании историка академика *Михаила Николаевича Тихомирова* (1893—1965) «**Древнерусские города**», в обширных трудах историка академика *Бориса Александровича Рыбакова* (1908—2001) «**Язычество древних славян**» и «**Язычество древней Руси**», в книгах археолога академика *Валентина Васильевича Седова* (1924—2004) «**Славяне в древности**» и «**Славяне в раннем средневековье**».

Афанасий Великий говорил: «Обладающий всеми Бог когда собственным Словом Своим сотворил человеческий род», «Бог даровал людям нечто большее: не создал их просто, как всех бессловесных животных на земле, но сотворил их по образу Своему, сообщив им и силу собственного Слова Своего, чтобы, имея в себе как бы некие оттенки Слова и став словесными, могли пребывать в блаженстве, живя истинною жизнью, и в подлинном смысле — жизнью святых в раю»¹.

Филологическая наука подходит к человеческому слову, естественно, совершенно с другой стороны, чем обсуждаемая. Но языкознание, накопив замечательные данные о его грамматических свойствах, то есть о внешнем в слове, внешним обычно и ограничивается. К счастью, так бывает не всегда. Тут надо оговориться, что одна авторитетная филологическая концепция привлекала внимание богословов. Во «внутренний мир» человеческого слова у нас пытался заглянуть профессор *Александр Афанасьевич Потебня* (1835—1891). В серебряный век его филологическая концепция стала не только известна в научной среде, но и чрезвычайно популярна в литературно-художественных кругах. Ее воздействие на современную словесную культуру было тогда весьма интенсивным².

Из людей церкви священник *Павел Александрович Флоренский* (1882—1937), тогда молодой богослов, испытывал огромный интерес к идеям этого филолога (несомненно, человека с задатками научного гения). Этимологические разборы в магистерской диссертации самого Флоренского «**Столп и утверждение истины**» (1914), его истолкование слов «истина», «беззаконие», «память» и т. д. — явно носят на себе следы заочного ученичества у Потебни. А.А. Потебня подчеркивал, что в силу каких-то свойств человеческой духовности слово языка «подает» мысль через «внутреннюю форму» — тот или иной образ. Так и отец Павел Флоренский находит, например, четыре разных образа в русском, древнегреческом, латинском и древнееврейском понятии *истины* (отсылаем интересующихся к его «Столпу»). Он даже сравнивает звуковую сторону слова с «телом», а внутренний образ «с душою этого тела» (в другой своей книге «**У водоразделов мысли**»). По мнению Флоренского (с идеями Потебни уже прямо не связанному), «душа слова — его внутренняя форма — происходит от акта духовной жизни... как явление самого духа». Как итог, Флоренский предлагал «искать и магическое сре-

¹ *Афанасий Великий*. Творения: В 4 т. М., 1994. Т. I. С. 195, 204.

² Из филологов более позднего времени ценнейшие семантические наблюдения (в интересующем нас в данном случае аспекте) сделаны великим ученым, еще недавно нашим современником, А.Ф. Лосевым.

доточие слова в том же центре его, где нашли мы средоточие лингвистическое»¹.

Оценка личных теорий отца Павла Флоренского — дело, как это понятно, не филологов, а богословов. Да суть вовсе и не в этом: скрытая сила, присущая человеческому слову, — факт, проявляющий себя в нашем мире постоянно.

Сила слова проявляет себя в молитвенном общении с Богом, несмотря на происшедшее греховное повреждение человеческой природы, — так об этом много раз повествовали и святые, и церковные иерархи, и рядовые священнослужители. Например, преподобный *Никодим Святогорец* (1749—1809) пишет, что «в словах молитвенных» — «в них заключен и дух молитвенный; сим же духом преисполнишься и ты, если будешь их прочитывать так, как должно, как дух какого-нибудь писателя сообщается тому, кто читает его с полным вниманием»².

Напомним, что этот «концентр», эта «душа» слова есть, по Флоренскому, потебнианская внутренняя форма. Потебня не раз писал, что главное во внутренней форме, в ее смысловых возможностях то, что она представляет собою *образ*. Образ же не сводим к улавливаемому (и то не всегда) этимологическим анализом *ближайшему* образному признаку слова. В образе присутствует, по Потебне, в «сгущенном», «сконденсированном» виде множество разнообразных смыслов.

По роду научных интересов А.А. Потебне приходилось, как известно, помимо языка и литературы много заниматься изучением славянских языческих верований, как и текстов, используемых колдунами и волхвами, вообще древней мифологической образностью³.

Отметим, что и такой крупнейший ученый, как А.Ф. Лосев, писал: «Слово есть... некоторый легкий и невидимый, воздушный организм, наделенный магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события. Эти невесомые и невидимые для непосредственного ощущения организмы летают почти мгновенно; для них (с точки зрения непосредственного восприятия) как бы совсем не существует пространства. Они пробиваются в глубины нашего мозга, производят там небывалые реакции, и уже по одному этому есть что-то магическое в природе слова...»⁴

¹ Флоренский П.А. Соч. Т. II. М., 1990. С. 267.

² Никодим Святогорец. Невидимая брань. М., 1904. С. 196.

³ Так, именно на труды А. А. Потебни опирался поэт А. Блок в таком своем характерном для серебряного века эссе, как «**Поэзия заговоров и заклинаний**».

⁴ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 659.

Труды Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни есть классика славянской филологии. Значение их особенно велико в силу того, что в XX в. семасиологический подход, свойственный данным исследователям, вряд ли проявлял себя в филологической науке в достаточной мере. Напротив, в широкий обиход вошли формальные и структурные штудии, нередко неоправданно абстрагировавшие многие реальные отношения в языке и словесном искусстве. Их авторы пробовали даже упрекать наследие данных филологов в «донаучности».

(Впрочем, сам А.А. Потебня откровенно смеялся над сторонниками такого понимания «научности», говоря, что они «как будто думают, что наука сидит в них самих или что она им тетка или сестра»; но «наука началась там, где начался анализ явлений», а не «с последней прочитанной книжки».)¹

Итак, пособие активно привлекает внимание читателей к тому, что составляет основу филологической традиции, ее «золотой фонд». С другой стороны, в нем, как правило, не обсуждаются заведомо внеучные феномены. К числу последних относится, например, так называемая «Велесова книга» — по мнению автора, практически разоблаченная фальшивка, имеющая, однако, довольно широкое хождение у различных популяризаторов и падких на сенсацию журналистов. Не обсуждаются в пособии также, например, широко издаваемые исторические фантазии академика-математика А.Т. Фоменко и его постоянного соавтора Носовского, как и иные мыслительные конструкции различных сочинителей, имеющие характер наукообразной мифологии.

Автор данного учебного пособия начал читать студентам курс Введения в славянскую филологию в 1974 г., будучи старшим преподавателем кафедры русского языка Тартуского государственного университета (за два года до этого автор закончил филологический факультет МГУ). Курс разрабатывался и читался им в опоре на программу, воспринятую от Н.И. Толстого.

В середине 1990-х годов автор пособия вновь приступил к чтению того же курса, находясь в должности заведующего кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького. Введение в славянскую филологию читается им студентам дневного и заочного отделений Литинститута по сей день².

¹ *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 59, 189; *он же.* Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 68.

² Базовое образование, даваемое в этом вузе, в академической своей части соответствует учебному плану отделений русской филологии филологических факультетов университетов (отсутствуют педагогика и педпрактика, взамен которых ведется работа в писательских творческих семинарах).